

Хань Ле посмотрел на мотыгу в своей руке и горько улыбнулся. В современной жизни он был инженером в проектно-институте ландшафтного дизайна. Хотя ему доводилось бывать в сельской местности с инспекциями и он немного разбирался в прививке фруктовых деревьев, копать землю и выращивать сельскохозяйственные культуры он, по правде говоря, совсем не умел.

Опираясь на воспоминания прежнего владельца тела и бросив пару взглядов на то, как работают его отец и старший брат, он поднял мотыгу и неуклюже принялся копать. Прошло совсем немного времени, как Хань Ле почувствовал сильнейшее головокружение и слабость.

— Улан, почему у тебя такое бледное лицо? Брось копать, иди отдохни у вон того дерева, мы с твоим старшим братом в два счета закончим с этим полем, — с жалостью в голосе сказал Хань Лаосань, заметив бледность Хань Ле.

Хань Ле не стал церемониться, кивнул, бросил мотыгу и пошел отдыхать под раскидистое дерево на краю поля. Это тело было поистине слабым, к тому же после тяжелой болезни ежедневный рацион из соленых овощей, грубой муки и кукурузных пампушек явно не способствовал восстановлению сил.

Сидя в тени дерева, он перевел взгляд на усердно трудившихся на поле отца и сына, а затем вспомнил мать, которая с большим деревянным тазом и младшей сестрой отправилась к реке стирать грязную одежду всей семьи. В его сердце зародилась твердая мысль: обязательно нужно найти способ разделить семью, иначе придется пахать как лошадь на этих бессовестных паразитов, да еще и не услышать в благодарность ни доброго слова.

Отдохнув с часок, Хань Ле снова взял мотыгу и вышел на поле помогать. Отец с братом вовсю уговаривали его передохнуть, но раз уж он попал в древнюю деревню, ему придется как следует приспособиться к такой жизни.

Солнце уже клонилось к закату, когда трое мужчин наконец закончили работу и отправились домой. Не успели они переступить порог, как до их слуха донеслись раскатистые крики и брань.

Уголки рта Хань Ле судорожно дёрнулись. С такой бабушкой и второй тетушкой он за две свои жизни сталкивался впервые. — Ах ты, транжира! Даже не думай испортить такое доброе дело! — пронзительно завопила Лю-ши.

Затем снова раздался голос Лю-ши:

— Наша семья уже получила от семьи Чи десять лянов серебра в качестве залога за невесту. Изначально предполагалось, что в мужья пойдет Улан, но он внезапно слёг с болезнью, из-за чего всё и затянулось до сих пор. Неужели вы думаете отказаться от своих слов?

— Мужчина, который нравится твоему Улану, уже женился, с какой стати он всё еще

заглядывается на чужого мужа? Тьфу! Женщины ему не милы, подавай мужиков! Да какая разница, за кого выходить, всё равно оба мужики. Семья Чи — богатые люди, Улан пойдет туда жить припеваючи, — вставила своё слово госпожа Ли. Она никак не могла допустить, чтобы сорок лянов серебра, которые должны были вот-вот оказаться у нее в руках, упорхнули. В конце концов, даже если деньги попадут к свекрови, она всегда сумеет отщипнуть себе приличную долю.

Едва войдя в дом, Хань Ле увидел свою мать, стоявшую на коленях и обнимавшую Лю-ши за ноги в слезах:

— Матушка! Да ведь этот Чи Сю одной ногой в могиле! Он же отправляет нашего Улана туда для замужества ради отвода злой участи!

Захлебываясь слезами, Янь-ши продолжила:

— Ох-хо-хо, к тому же с тех пор, как глава семьи Чи погиб в горах, все их сбережения давно ушли на лечение Чи Сю. Те пятьдесят лянов, что они отдали нашей семье, — это деньги от продажи поля! Мой Улан — парень, неужели он, едва переступив порог чужого дома, станет вдовцом? Матушка, умоляю вас, Улан — это моя жизнь!

Госпожа Ли, глядя на вошедших Хань Ле и остальных, пренебрежительно скривила губы и оттащила Янь-ши в сторону:

— Третья невестка, не в обиду будь сказано, до чего же ты непонятливая! В семье Чи четко сказали: если отвод злой участи не поможет, Улана запишут как приемного сына, и в будущем он сможет взять жену или выйти замуж за мужчину. Такую удачу во всей деревне с фонарями не сыщешь!

В голосе госпожи Ли отчетливо слышалась зависть:

— Эх, во всей деревне только у Улана подходящие дата и час рождения, иначе парни из других семей головы бы друг другу разбили, лишь бы туда устроиться.

Пятьдесят лянов серебра — на них можно безбедно жить несколько лет. Если бы гадальщик не указал конкретные дату и час рождения, которые подошли только Улану, она бы и сама с радостью отправила своего Сылана в мужья семье Чи. Стоит только этому доходяге из семьи Чи отдать Богу душу, как осиротевший дом останется на попечении вдовы и сироты, с которыми она сможет делать всё, что захочет. И только эта дура Янь-ши трясется над сыном так, будто у нее душу отнимают.

Хань Лаосань, глядя на убитую горем жену, почувствовал острую боль в сердце: как же его матушка может быть такой жестокосердной?

Услышав это, Хань Ле наконец понял, в чем дело.

Семья Чи считалась зажиточной в Деревне Хань, но в канун Нового года глава семьи ушел на охоту в горы, сорвался со скалы и погиб. Старший сын тяжело заболел на фоне двойного удара — отцу не выжить, а жених расторг помолвку. Все сбережения семьи Чи ушли на лечение юноши, но ему не становилось лучше, и теперь он держался на волоске от смерти.

Однажды через их деревню проходил странствующий даос и подсказал матери Чи: стоит лишь найти в селении человека с названными им датой и часом рождения для совершения обряда отвода злой участи, как старший сын тут же пойдет на поправку. Мать Чи была готова на всё ради спасения сына. К счастью, дата и возраст Хань Ле совпали с предсказанием, и она отправилась в семью Хань договариваться о браке, в конце концов убедив их свадебным выкупом в пятьдесят лянов серебра.

За несколько дней до обряда прежний хозяин тела угодил в воду по милости Сылана и заболел, из-за чего дату пришлось отложить. Кто же знал, что едва Хань Ле поправится, как семья Чи явится на порог без промедления, требуя немедленно сыграть свадьбу.

Мысленно взвесив все за и против, Хань Ле предпочел пойти на этот обряд, лишь бы не оставаться в этом доме с умалишенными родственничками, к тому же это могло помочь его родителям.

Он быстрым шагом подошел к Янь-ши, поднял ее с колен и с болью в глазах произнес:

— Матушка, я согласен выйти замуж.

Сказав это, он сам ощутил горечь: молодой человек из двадцать первого века скатился до того, чтобы выходить замуж ради отвода злой участи! Настоящие слезы и кровь, да и только.

Янь-ши со слезами на глазах смотрела на худенького, но красивого сына. Вспомнив о том, к кому тот раньше испытывал чувства, она почувствовала, как сердце сжалось от боли. Крепко сжав руку Хань Ле, она тяжело вздохнула, не зная, что и сказать.

— Все-таки Эрлан знает толк в делах, это же редкая удача, — с улыбкой произнесла госпожа Ли, видя, что Хань Ле согласился.

Мрачные тучи на лице Лю-ши тоже значительно рассеялись. Окинув взглядом стоявших во дворе внушек, она заверещала:

— Вы, ленивые девки, чего столпились во дворе? Марш готовить еду!

Вскоре во дворе остались только члены семьи Хань Лаосаня.

Хань Ле вздохнул и сказал:

— Давайте сначала войдем в дом, а там поговорим.

— Улан, ты правда согласен идти в семью Чи? Да это же пропасть! Я слышала, что старший сынок семьи Чи еле дышит, он же на пороге смерти! — причитала Янь-ши, утирая слезы и сжимая руку сына.

Уголки губ Хань Ле изогнулись в саркастической усмешке, он бросил насмешливый взгляд на окно:

— Разве мы можем сказать нет? Матушка думает, что бабушка, старший и второй дядя упустят такую выгодную сделку?

— Старший дядя собирается сдавать экзамен на цзюйжэня в уездном городе, а старший двоюродный брат тоже будет сдавать экзамены на сюцяя. Пару дней назад старшая тетушка приходила домой именно за деньгами, и бабушка уже отдала ей те десять лянов серебра, что оставила семья Чи, чтобы она отвезла их в город, — продолжил Хань Ле.

Янь-ши вздрогнула и снова горько зарыдала. О предвзятости свекра и свекрови она знала давно, но никак не ожидала, что на сей раз в ход пустят ее собственного сына. Бросив взгляд на стоявшего рядом мужа с искаженным от боли лицом, она проглотила слова упрека, которые уже вертелись на языке.

Хань Ле тяжело вздохнул и обратился к родителям:

— Отец, матушка, я слишком долго терпел, но сегодня выскажу всё до конца.

— Сынок, говори, раз уж решился, матушка слушает, — Янь-ши вытерла слезы с уголков глаз и с недоумением посмотрела на Хань Ле.

— Отец, матушка, давайте разделим семью, — твердо произнес Хань Ле.

— Что? Что ты такое говоришь? Твои дед с бабкой ни за что на это не согласятся! — потрясенно выдохнул Хань Лаосань. Он никак не ожидал, что второй сын заведет разговор о разделе, в мыслях у него такого никогда не было.

— Если вы согласитесь, у меня найдется способ разделить этот дом, — решительно заявил Хань Ле.

Хань Лаосань вздрогнул всем телом. Но он от рода был сыном почтительным — как он мог заговорить о разделении семьи? Об этом не могло быть и речи, не говоря уже о дедушке, даже

матушка ни за что не согласилась бы.

— Твои дед и бабка не согласятся, и я не могу. Разве после раздела мы перестанем быть одной семьей? — на простом лице Хань Лаосаня отразилась глубокая печаль.

Хань Ле мысленно закатил глаза: его родители были до того простодушными и безответными, что все кому не лень садились им на шею и помыкали ими. Заметив, как надежда в глазах матери мгновенно сменилась отчаянием, он немного помедлил и сказал:

— Разве после деления мы перестанем быть семьей? Отец, ты по-прежнему сможешь проявлять сыновью почтительность к деду с бабкой.

— Но если мы не разделимся, вся наша семья так и останется рабами старшего и второго дяди. Каждый год весь урожай, что мы собираем, старший дядя забирает больше чем наполовину, при этом сам палец о палец не ударяет, а деньги, заработанные тяжким трудом всей семьи, тратит на хорошую жизнь в городе. Семья второго дяди сейчас придумала продать меня для отвода беды, а завтра они еще кого-нибудь сбудут с рук! — вздохнув, произнес Хань Ле.

Хань Ле бросил многозначительный взгляд на младшего брата Сяо Ци и плотно сжал губы, изобразив крайнюю тревогу и печаль.

Получив знак от брата, Сяо Ци громко зарыдал и сквозь слезы запричитал:

— А я на днях слышал, как старшая тетушка говорила, будто хочет отдать четвертую сестру в детдоcherки к слабоумному сыну землевладельца из соседней деревни! Ой-ой-ой, говорила, что за это дадут двадцать лянов серебра в качестве выкупа, и бабушка уже согласилась!

— Что? — Янь-ши вскочила на ноги и в полном оцепенении уставилась на Сяо Ци, чувствуя, как от вне головокружения у нее перед глазами поплыли круги и она чуть не потеряла сознание.

— Матушка!

— Жена!

Увидев, что Янь-ши падает в обморок, они бросились поддержать ее, усаживая на стул, чтобы она могла отдышаться.

— Ох-хо-хо... Я не хочу идти в приемные жены к дураку! — зарыдала вслед за матерью Сы Цзеэр.